

*Библиотека
Филолога*

К. Г. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

ОЧЕРКИ
ПО
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ
ГРАММАТИКЕ
НЕМЕЦКОГО
И
РУССКОГО
ЯЗЫКОВ

Б И Б Л И О Т Е К А Ф И Л О Л О Г А

К. Г. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

О Ч Е Р К И
ПО СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ
ГРАММАТИКЕ
НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
Москва 1961

Серия «БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА»

издается под общей редакцией
проф. Н. С. ЧЕМОДАНОВА

О Т А В Т О Р А

Предлагаемая работа представляет собой попытку дать описание основных грамматических явлений немецкого языка в аспекте сопоставления с русским языком. Такой аспект позволяет более отчетливо увидеть специфику грамматического строя обоих языков, а следовательно, способствует более целенаправленному объяснению грамматики немецкого языка при изучении его как иностранного русскими, а также лучшей ориентации в практике перевода. Указанной целью обусловлен также в значительной степени — наряду с объемом работы — отбор сопоставляемых явлений.

Глава «Интонация» написана доцентом О. А. Норк.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый язык представляет собой единство общих признаков, присущих всем языкам, и своих особенных признаков, отличающих данный язык от всех других. Из этого совершенно очевидного факта исходит всякое сравнительное изучение языков, цель которого и состоит в выявлении их общих и особенных черт. Однако эта самая общая цель требует конкретизации в каждом данном случае. Языки можно сравнивать не вообще, а только в определенном аспекте и при этом нужно брать за исходное определенный язык.

В данной работе таким аспектом является изучение немецкого языка как иностранного русскими и перевод с немецкого языка на русский. Тем самым, исходным выступает немецкий язык, что в ряде случаев не исключает возможности обратимости практических выводов. Для краткости будем называть этот аспект сопоставительным планом.¹

¹ Нужно отметить, что в имеющихся немногочисленных работах по сопоставительному описанию грамматического строя двух языков доминирующим является именно аспект обучения тому или иному языку как иностранному, причем народный язык берется за исходное. Можно указать, например, на ряд работ такого типа по грамматике русского языка: Е. Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934; В. А. Богородицкий. О преподавании русской грамматики в татарской школе. Казань, 1951; Н. А. Резюков. Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков. Чебоксары, 1954; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1954; И. Николч. Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким. Ревель, 1870.

Прикладной методический характер целевой установки и отличает сопоставительные грамматики двух языков от сравнительно-исторических грамматик групп родственных языков. Что касается методики сопоставительных описаний двух языков, как и методики сопоставления с

Данным аспектом определяются и основные принципы сопоставительного описания грамматических явлений обоих языков, которых автор стремится придерживаться.

Прежде всего, представляется необходимым последовательно различать грамматику языка, т. е. его грамматический строй, — и грамматику как языковедческую дисциплину (или учебный предмет), т. е. описание и толкование грамматических явлений языка в учебниках и теоретических работах. По-видимому, из-за двусмысленности самого слова «грамматика» и в лингвистике, и в методике преподавания иностранных языков нередко допускается смешение этих двух понятий. Между тем, именно при изучении иностранного языка их необходимо строго разграничивать. Грамматический строй языка есть объективная данность, которой нужно овладеть. Описания и правила, даваемые в учебниках, — средство для достижения этой цели. При изучении грамматики родного языка имеет место другое соотношение. Грамматикой родного языка учащийся уже в основном владеет (поскольку он владеет языком), грамматикой как учебным предметом — он должен овладеть в процессе обучения.

При этом важно подчеркнуть, что описание грамматики языка всегда в большей или меньшей степени находится под влиянием грамматических традиций и взглядов, которых придерживается тот или иной автор, что особенно проявляется в терминологии и различного рода классификациях. Поскольку многие грамматические явления и немецкого и русского языка разными авторами объясняются по-разному, и не только в сугубо теоретическом плане, но и в описаниях с практическим уклоном — в учебниках, оставляю за собой право по-своему трактовать отдельные явления (или уточнять существующие взгляды), если наблюдения над фактами рассматриваемых языков в сравнительном плане дают для этого достаточно оснований. Ведь сопоставление од-

родным языком при обучении иностранному языку вообще, то она еще почти не разработана, хотя в последнее время этот вопрос привлекает все больше внимания. См. В. Н. Ярцева. О сопоставительном методе изучения языков. НДВШ, 1960, № 1; В. Н. Ключева. Об основах сопоставительной методики. Сб. «Русский язык для студентов-иностранцев». Изд-во МГУ, 1960.

ного языка с другим позволяет нередко увидеть те стороны явления, которые остаются скрытыми при рассмотрении его вне сравнения.

Далее необходимо учитывать разнородность грамматических явлений, ибо разные виды их требуют особого подхода в плане сопоставления и изучения данного языка как иностранного. Прежде всего, важно разграничивать: грамматические категории, непосредственно выражающие определенные отношения, и явления узкоморфологического или формально-структурного характера, которые не выражают подобных отношений (например: типы склонений, спряжений, рамочная конструкция, формальная двусоставность в немецком языке).

Среди грамматических категорий различаются три основных вида: а) категории, выражающие отношения действительности (например, падеж, число, лицо, члены предложения); б) категории, выражающие отношение высказываемого к действительности (например, время, наклонение; утверждение и отрицание); в) категории, выражающие отношение говорящего к высказываемому (т. е. к отражаемой в нем действительности, (например, определенность и неопределенность, побуждение и вопрос, предположение, коммуникативная нагрузка членов предложения).

Категории последнего вида требуют особого внимания именно при изучении языка как иностранного. В родном языке они усваиваются, так сказать, наименее осознанно, поэтому не привлекают особого внимания при изучении грамматики. В данной работе особая глава посвящается рассмотрению коммуникативной нагрузки членов предложения — явлению, которое в пособиях и учебниках по грамматике почти не находит специального освещения.

При рассмотрении употребления грамматических форм необходимо учитывать общие закономерности функционирования их в языке, т. е. четко различать: а) употребление формы как основной для выражения соответствующего грамматического значения в системе данной категории (например, футурум для выражения предстоящего действия); б) использование той же формы для выражения других грамматических значений; такое употреб-

ление рассматривается здесь как факультативное (например, футурум для выражения предположения вместо конструкций с модальными словами или глаголами); в) употребление других форм для выражения данного грамматического значения, т. е. синонимов данной формы (например, презенс для выражения предстоящего действия).

Поскольку грамматическая синонимия относится к весьма спорным вопросам, считаю нужным, не углубляясь в теоретические сложности этой проблемы, изложить здесь некоторые соображения, которыми руководствуюсь в дальнейшем.

В основе грамматической синонимии лежит то же, что и в основе лексической, а именно возможность выражения одного и того же вещественного содержания — в данном случае грамматического значения — разными языковыми средствами, которые, как правило, в той или иной степени различаются в стилистическом плане. Грамматическая синонимия легче поддается изучению, чем лексическая. В силу специфики грамматики, ее обобщающего характера, в ней имеет место меньшее разнообразие средств выражения, чем в лексике, а стилистические различия между ними легче выявляются. Различия эти могут быть двух планов: эмфатические (т. е. в степени выразительности) и жанровые (т. е. функционально-стилистические). Оба эти оттенка тесно взаимосвязаны, но может преобладать тот или другой.

Специфика грамматической синонимии заключается также в том, что грамматические формы, выражающие одинаковые значения, соотносятся как основные (общие), употребление которых для выражения данного значения не ограничено, и специальные, употребляемые только факультативно в определенных стилистических условиях. Именно специальные формы и являются синонимичными по отношению к основным, а не наоборот.

Учет грамматических синонимов и выявление условий, в которых они употребляются, особенно важен при изучении иностранного языка.

В родном языке основные стилистические оттенки грамматических форм, употребляемых факультативно, усваиваются естественно-интуитивно вместе с этими формами (так, например, для каждого русского причастные

обороты в бытовой разговорной речи будут звучать неестественно, по-книжному.

При обучении иностранному языку на стилистические различия между формами, выражающими сходные значения, должно быть указано особо.

* * *

Аспект изучения немецкого языка как иностранного, принятый в данной работе, отнюдь не означает, что она претендует на то, чтобы служить методикой обучения грамматике немецкого языка. Основной ее целью остается описание основных явлений грамматики немецкого языка в сопоставлении с русским языком.

С собственно методической точки зрения здесь выделяется только один момент, а именно делается попытка при рассмотрении отдельных грамматических явлений по возможности учитывать два аспекта усвоения иностранного языка: аналитический (рецептивный) и конструктивный (репродуктивный).¹ Дело в том, что трудности усвоения того или иного явления иностранного языка в каждом из этих двух планов различны — и по степени, и по своему характеру. Различия же эти обусловлены не только характером явления самого по себе, но, прежде всего, спецификой его по сравнению с родным языком.

Самой общей основой этой специфики, а тем самым трудностей усвоения, является совпадение или несовпадение аналогичных форм и их значений с точки зрения унификации и дифференциации. Так, если одной немецкой форме, не выражающей дифференцированно определенных значений (или их оттенков), соответствуют две русские, выражающие дифференцированно эти значения (например, видовые формы глагола, ср.: *erzählen* «рассказать, рассказывать»), то трудность усвоения такого явления заключается, главным образом, в том, чтобы преодолеть привычку к дифференцированному выраже-

¹ Здесь имеются в виду именно два плана усвоения одного и того же явления (которые должны учитываться и при объяснении его), а не разделение грамматического материала на подлежащий рецептивному или репродуктивному усвоению.

нию данных значений (в нашем примере видовых значений). В таких случаях трудности сосредоточиваются преимущественно в аналитическом плане — в понимании реальных отношений и переводе (нужно выбрать одну из русских форм).

При обратной картине, если двум немецким формам, выражающим разные значения, соответствует только одна унифицированная форма в русском языке, напр.:

war gebaut }
wurde gebaut } был построен

трудности приобретают другой характер: надо научиться дифференцировать значения, в родном языке не различающиеся формально (а следовательно, недостаточно осознаваемые).

Основную сложность в таких случаях представляет конструктивный аспект усвоения.

Эти схематично изложенные здесь положения конкретизируются в дальнейшем при рассмотрении отдельных явлений.

Что касается собственно перевода, то данная работа ставит себе целью выяснить, чем обусловлена сложность перевода на русский язык основных форм немецкого языка и тем самым заострить внимание на специфике их перевода. Здесь не рассматриваются особо те формы и конструкции, которые могут переводиться аналогичными формами и конструкциями русского языка.

Такие точные грамматические соответствия довольно многочисленны в обоих языках, что объясняется в значительной мере их принадлежностью к одной и той же группе языков — к индоевропейской.¹

Это не значит, что совпадающие формы не могут переводиться и другими способами соответственно синонимическим закономерностям русского языка (например,

¹ Думается, что А. В. Федоров в своем «Введении в теорию перевода» (М., 1953, стр. 158—165) недооценивает возможности грамматического совпадения в подлиннике и переводе, считая, что такие случаи редки и что «самая точность в передаче грамматических категорий — нетипична». Во всяком случае, в отношении немецкого и русского языков этого нельзя утверждать. Впрочем, требует уточнения, что нужно понимать под «грамматическим совпадением» (или «точностью»).

родительный присубстантивный определительный переводится, как правило, соответствующей русской формой, но возможен его перевод и прилагательными или даже придаточными определительными предложениями).

Особое внимание обращено здесь на грамматические категории, не имеющие соответствия в виде грамматической категории в русском языке, т. е. на значения, которые передаются при переводе только факультативно, лишь в случаях двусмысленного контекста (например, определенность и неопределенность, относительное время).

Для наглядности приводятся примеры типичных ошибок. При этом не проводится особого различия между учебными и изданными переводами, поскольку закономерности и причины ошибок в обоих случаях коренятся в одном и том же — во влиянии русского языка.

* * *

Различия между немецким и русским языком (как, по-видимому, и между любыми другими языками) имеют свою специфику в области морфологии, с одной стороны, и в области синтаксиса — с другой.

В области морфологии формальные различия могут быть связаны с различиями в выражаемых значениях. Поэтому именно в морфологическом строе сосредоточиваются наиболее ярко выраженные особенности каждого данного языка.

Что касается синтаксиса, то здесь различия, как правило, имеют формально-структурный характер. Выражаемое содержание и даже закономерности в области синонимии совпадают.

Соответственно этой специфике и сопоставительное описание фактов сравниваемых языков в области морфологии и в области синтаксиса строится различно.

ЧАСТЬ I

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Основу морфологического строя каждого языка образуют части речи с их грамматическими категориями. Система частей речи в немецком и в русском языках в основном совпадает.

При этом части речи в обоих языках имеют одинаковое лексико-грамматическое значение и в основном выполняют одни и те же функции в предложении.

Различия начинаются там, где начинается собственно морфология — т. е. в системе словоизменения и словообразования.

Различия в словообразовании носят формальный характер. Сравнение здесь может проводиться в отношении самих аффиксов (их значения, этимологии и т. п.), которые могут иметь более или менее точные соответствия в обоих языках (например, немецкому *-ung* соответствуют русские *-ние, -ция*); в отношении степени унификации способов образования слов данного разряда от той или иной части речи (например, унификация образования уменьшительных существительных в немецком языке) и соотношения общих для обоих языков способов словообразования данной части речи (например, широкое развитие словосложения в разряде немецких существительных при незначительном его развитии в русском языке).

Таким образом, сопоставление в области словообразования дает лишь возможность установить, как различно выражаются в обоих языках общие для них значения (например, уменьшительность, собирательность, абстрактность и т. п.).

В настоящей работе вопросы словообразования частей речи будут затрагиваться только попутно, поскольку

они связаны со словоизменением. Главное же внимание, соответственно основной цели данной работы, уделяется словоизменению частей речи, т. е. тем явлениям, которые различаются в обоих языках не только способами выражения, но и тем, что выражается.

В системе словоизменения считаем необходимым четко различать два вида явлений: 1) грамматические категории частей речи, которые собственно и определяют употребление той или иной части речи в предложении и 2) классы слов внутри частей речи, выделяемые в зависимости от способов словоизменения.

В основе грамматической категории лежат грамматические значения, отражающие определенные отношения действительности. Признаком грамматической категории части речи является наличие системы соотносительных форм, которые выражают соотносительные же — однородные, но противоположные — значения (например, система форм и значений падежей, времен, наклонений и т. д.).

Для морфологической характеристики части речи в первую очередь важно установить совокупность грамматических категорий, выражаемых в системе словоизменения данной части речи. С точки зрения сопоставительного изучения языков — а тем самым практического изучения иностранного языка — решающее значение имеет то, какие грамматические значения являются обязательными сопутствующими значениями слов данного разряда при употреблении их в речи в каждом из сравниваемых языков. Ибо именно в грамматических категориях частей речи выступает одно из основных различий между языками, «различная категоризация действительности».¹

В основе же таких явлений, как типы склонения, спряжения, лежат чисто формальные различия. Они представляют собой систему различно образуемых форм, выражающих одно и то же значение. Так, например, родительный падеж в немецком языке образуется тремя способами (при помощи флексий *-(e)s*, *-(e)n* и нулевой флексии),

¹ Ср. высказывание Л. В. Щербы о том, что «действительность в разных языках представлена по-разному». («Преподавание иностранных языков в средней школе». М., 1947, стр. 43.)

но от способа образования его значение не зависит. То же самое имеет место, например, в претерите, который также образуется различно (по слабому и по сильному спряжениям) при одном и том же значении.

Разграничение указанных типов грамматических явлений важно также и в методическом плане. Они требуют различного подхода при объяснении их учащимся, причем решающую роль играет здесь то обстоятельство, изучается ли данный язык как родной или как иностранный. В самой общей форме можно так сформулировать это различие. При изучении родного языка, т. е. языка, которым учащиеся уже владеют практически, основные трудности представляют явления второго типа (с которыми, между прочим, сопряжены обычно и орфографические трудности, ср., например, правописание форм настоящего времени глаголов различного спряжения в русском языке, правописание форм с умлаутом в немецком и т. д.). При изучении же иностранного языка наибольшие трудности представляют явления первого типа. Наиболее трудно научиться употреблять слова — части речи — в соответствующих формах в предложении (да и узнавать соответствующие формы с полным пониманием их значения в тексте или в речи другого лица). Иначе говоря, наиболее трудно то, чем в родном языке учащийся уже владеет. Что же касается явлений второго типа, то их легче усвоить уже хотя бы потому, что правила образования форм, а тем более названия соответствующих классов слов и их классификацию можно просто выучить. Но «выучивание» этих правил имеет только вспомогательное значение при изучении иностранного языка, в чем и нужно отдавать себе отчет.

В соответствии с основной задачей данной работы в разделах, посвященных частям речи, основное внимание уделяется грамматическим категориям частей речи. При этом они рассматриваются в функциональном плане — с точки зрения значения и условий употребления форм данного разряда слов.

Что же касается способов образования этих форм (типов склонения, спряжения), то им уделяется внимание только постольку, поскольку это может быть полезно для целей данной работы.

В частности, представляется необходимым и полезным указать на основные общие особенности немецкого и русского языков в отношении способов словоизменения. Знание их может способствовать лучшему усвоению образования конкретных грамматических форм.

Первая из этих особенностей состоит в том, что в немецком языке два основных способа словоизменения, имеющиеся и в русском языке, а именно синтетический (аффиксация и внутренняя флексия) и аналитический (при помощи служебных слов), развиты приблизительно в равной степени. В русском же языке явно преобладает синтетический способ (аффиксация).

Но для немецкого языка характерно не просто более или менее равномерное сочетание синтетического и аналитического способов выражения. Главная особенность заключается в самом характере аналитических форм. Они образуются при помощи флексии и служебных слов, т. е. представляют собой флективно-аналитические формы (в отличие, например, от английского языка, в котором преобладают чисто аналитические формы). Так, артикль, при помощи которого образуются формы падежей, склоняется, причем именно его флексия выражает падеж (а также род и число), а вспомогательные глаголы (*sein, haben, werden*) спрягаются, выражая лицо и число знаменательного глагола при помощи личных окончаний.

В русском языке флективно-аналитический характер имеют только немногие формы (например, будущее сложное, образуемое со вспомогательным глаголом «быть» — буду читать). Для других аналитических форм характерна неизменяемость служебного слова. Так, неизменным остается «более», при помощи которого образуется сравнительная степень, частица «бы» в сослагательном наклонении.

Вторая особенность касается собственно аффиксации. В немецком языке широко развита омонимия словоизменительных аффиксов, что является следствием весьма ограниченного количества звуковых комплексов, выступающих в функции флексии. Это обстоятельство, к сожалению, не всегда подчеркивается в грамматиках немецкого языка, хотя обращать на него внимание очень важно, ибо оно создает, с одной стороны, трудности, с другой сторо-

ны, в известной степени облегчает усвоение форм немецкого языка.

И, наконец,¹ третья особенность немецкого языка — это возможность сочетания двух или всех трех способов формообразования — аффиксации, внутренней флексии и служебных слов (так наз. *Übercharakterisierung*). Эта тенденция наиболее отчетливо проявляется в имени существительном, частично в глаголе. В имени прилагательном она уступает место противоположной тенденции — монофлексии, которая заключается в том, что в синтаксической группе существительного лишь один ее член получает грамматический показатель, выражающий синтаксические отношения всей группы.¹ В русском языке с его преобладанием флективных форм, наоборот, наблюдается тенденция к многократному выражению одного и того же грамматического значения. Подробнее остановимся на этом при характеристике соответствующих частей речи.

¹ См. В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 261. Присоединяюсь к этому — узкому — пониманию монофлексии, а не к тому — более широкому, которое имеет место у данного же автора на стр. 304—307.

Глава I

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Сопоставляя имя существительное в немецком и в русском языках, обнаруживаем полное совпадение общего значения данной части речи. Называя предмет в широком смысле слова — («грамматический предмет»), т. е. обозначая не только собственно предметы, но и действия, состояния, отношения, свойства, мыслимые как предмет, имена существительные в обоих языках отличаются чрезвычайным многообразием конкретных значений и представляют собой наиболее многочисленный лексико-грамматический разряд слов. Среди имен существительных очень много слов, производных от других частей речи. При этом характерно, что, как правило, производным немецким существительным в русском языке соответствуют также производные слова, ср.: Wärme «теплота», Vorschlag «предложение», Beschränktheit «ограниченность», Untersuchung «исследование» и тому подобные примеры, которые можно найти в любом словаре.

Что касается сложных существительных, которыми так изобилует немецкий язык, то они не ограничивают количество производных слов, а существуют наряду с ними, увеличивая, конечно, общее число существительных в немецком языке. В русском языке им соответствуют в большинстве случаев различные виды словосочетаний, ср.: Hochwild «крупная дичь», Gepäckaufbewahrungsraum «камера хранения багажа».¹

С общим значением предметности и многообразием конкретных значений непосредственно связано многообразие

¹См. М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 304—307.